

УДК 341.01

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ЭТИМОЛОГИЯ И ПРЕДЫСТОРИЯ РАЗВИТИЯ КОНЦЕПТА

© 2013 г.

А.С. Леонов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

andrei_leonov@yahoo.fr

Поступила в редакцию 13.05.2013

Рассматривается происхождение понятия «государственный суверенитет», исследуются первоисточники, упоминающие его в том или ином значении. Особое внимание уделяется анализу эволюции суверенитета от этикополитического до зачатков юридического концепта в эпоху античных государств до начала Средних веков. Анализируется влияние представлений о суверенитете в эпоху Древней Греции и Рима на последующее развитие идеи.

Ключевые слова: суверенитет, “*superanus*”, верховенство и независимость власти, автаркия, государственная власть, Древняя Греция, Древний Рим.

Суверенитет по своему историческому происхождению является, прежде всего, политической идеей, которая позднее становится юридической. Не чуждые миру ученые открыли его в своих кабинетах, но бытием своим он обязан могучим силам, борьба которых наполняет содержание веков [1, с. 394].

Георг Еллинек

Как справедливо отмечает М.Н. Марченко, «и в отечественной, и в зарубежной юридической литературе нет недостатка в специальных исследованиях, посвященных государственному суверенитету, так же как и в высказанных по поводу его понятия и содержания мнений и суждений» [2, с. 186]. Однако справедливо и другое мнение, хоть и высказанное на век раньше, но не утратившее при этом своей актуальности даже на фоне многочисленных исследований, появившихся позднее: ни одно из основных государственно-правовых понятий не нуждается до такой степени в исследовании его исторического развития, как суверенитет. При этом особое значение имеет не изучение развития того, как это явление было отражено в литературе в разные эпохи, а исследование историко-политических отношений, которыми было вызвано его появление и развитие [3, с. 394].

Происхождение, или, говоря языком лингвистики, этимология слов «суверенитет» и «суверенный» установлена не вполне точно. Мы можем сослаться на мнение таких известных филологов и историков, как Шарль Дюканж [4, с. 659] и Вильгельм Мейер-Любке [5], которые утверждали, что оба термина связаны со средневековым латинским словом *superanus*. Исследования истории Голландии, Бельгии, Англии и Италии в этой части не дали значимых резуль-

татов, тогда как в отношении Германии удалось выяснить, что согласно утверждению главного редактора *Thesaurus Linguae Latinae* в Мюнхене, эти термины не существовали, как минимум, до 600 года, и неизвестно, когда точно они начали впервые использоваться на ее территории. Большая реестровая книга аббатства Сен-Виктор [6, с. 292] в Марселе содержит запись, датирующуюся примерно 1000 годом, в которой есть фраза: *Juxta via “superaria” que vadit ad Artig.* В ней это слово имеет ясное значение «выше», хотя еще и не имея отношения к сфере публичной власти или социальной иерархии. Дюканж приводит цитату более позднего периода, как следует из контекста, в которой слово *superanus* означает то, что он называет *ex optimatum ordine; princeps* [7], что значительно ближе современному значению терминов «суверенитет» и «суверенный». *Superanus* является производным от *super*, то есть «над», который стал корнем многих прилагательных, например, *supremus, superbis, superus*; использовался в классической латыни для обозначения небесных, неземных Богов *di superi*. Вторая его часть, а именно суффикс *-anus*, скорее всего, имеет простонародное грубое происхождение. Это слово вошло во многие романские языки, наиболее изящно отразившись в итальянском названии высокого певческого голоса *soprano*.

Текст большой реестровой книги аббатства Сен-Виктор важен для понимания того, что слово *superanus* гораздо старше своих эквивалентов на других языках, и оно не было простым искусственным воспроизведением на латыни слова, созданного на каком-либо другом языке. Если изучать появление этого слова в других языках, то первым стоит упомянуть древний английский язык эпохи XII века благодаря Англо-норманнской (или Оксфордской) книге псалмов. Стих седьмой Книги псалмов, или шестой в Книге общественного богослужения [8] говорит: *E sun cuntre curs desq; ala suurainetet de lui. E nest chi se repunge de sa calur. (And the sun follows an opposite course at its height. And there is no one who resists its heat)*. Важно отметить, что слово *suurainetet* – «суверенитет» здесь означает «высшее место», «зенит», употребляется не в сравнительной степени, как в реестровой книге аббатства Сен-Виктор, а в превосходной, в которой оно понимается и сегодня. Архивы того времени не содержат упоминаний слова «суверенитет» или его латинского эквивалента *superanus* применительно к высшей публичной власти. Для этого используется слово *maior*, впоследствии преобразовавшееся в *superior* [9]. Слово «суверен» или «суверенный», имеющие то же значение, закрепились в простонародном языке Англии и Франции в XIII веке. В 1283 году появляется известное изречение Филиппа де Бомануара: *cascuns barons est (sic) souverains en se baronnie* [10], а также замечание, сделанное в одной из его книг, согласно которому граждане Артуа [11] *pledent par devant le roy à Paris d'aucuns apiaux qui sunt fet à li par raison de le souveraineté*. Семью годами позднее в Англии выходит книга *South English Legendary or Lives of Saints*, в которой можно прочесть: *For, Sire King, thou art mi sovrein, and the "Erchebischof also"* [12, с.74]. Такие временные совпадения объясняются тем, что в эпоху династии Плантагенетов Англия и Франция находились в очень тесных взаимоотношениях, и, как следствие, английский язык оказался под значительным французским влиянием.

С этого времени термин «суверенитет» начинает укореняться, постепенно утрачивая свой изначальный топографический смысл, заключающийся в «высшем местоположении», и приобретает значение «высшая власть». Данте упоминает его трижды: в литературном смысле, означая «великий» (*Inferno*, 22: "Barattier fu non piccol, ma sovran") («Мздоимец был не малый, но великий»), в фигуральном значении (*Inferno*, 32: "Cosi 'l sovran li denti all'altro pose"

(«Так верхний зубы нижнему вонзал») и современном значении (*Convivio*, 6: "Comandare il soggetto al *sovran*o procede da ordine perverso; che ordine diritto è il *sovran*o al soggetto comandare" («Неверно, когда слуга командует *господином*, а верно наоборот, когда *господин* командует слугой») (перевод автора) [13]. Похожие цитаты мы можем найти и в его труде «О монархии».

Как мы видим, во многих письменных источниках, относящихся к эпохе, еще далекой от той, когда возникает научное понимание международного права, появляется слово «суверенитет» в различных морфологических формах. В этих его употреблениях можно увидеть отдельные элементы, которые позднее составили понятие государственного суверенитета, однако в этот период истории они являются частью богословия, философии и литературы [14, с. 33]. Научная теория суверенитета, как справедливо принято считать, появляется гораздо позднее в работах Жана Бодена [15, с. 37]. Мы постараемся рассмотреть не саму историю идеи суверенитета, которая, как полагал Н.К. Палиенко, не могла развиваться в античных государствах [16, с. II], а скорее ее предысторию.

Суверенитет в современном, исторически выработанном понимании представляет собой особый правовой характер государственной власти, благодаря которому она является высшей и независимой. Существовало ли представление о государстве как суверенном образовании у наиболее развитых народов древнего мира, Греции, Рима и ранних средневековых государств?

На древнем Востоке – в Китае, Египте, Вавилонии, Ассирии, Персии, Израиле, – такие явления, как государство, публичная власть, международные отношения, никогда не были предметом какого-либо правового исследования. Это же можно сказать и о суверенитете, точнее, не о самом термине, которого еще не было, а о явлении как таковом. И это несмотря на то, что в реальности суверенные государства уже существовали. Объясняться это могло отчасти отсутствием духовной свободы, отчасти отсутствием публичного права, не связанного с религией и нравственной философией. В качестве исключения можно назвать Индию, в которой существовало понимание «территориального суверенитета» [17].

Древняя Греция, представлявшая собой совокупность множества суверенных государств, большинство из которых существовали в виде городов-полисов, самым известным из которых

были Афины. Они жили самостоятельной жизнью и, вне всякого сомнения, были независимыми территориальными единицами, обладающими суверенитетом. Однако самой идеи о том, что государственная власть является в силу своей природы высшей и независимой, не существовало. Со значительными оговорками [18] можно говорить о том, что в этот период международное право достигло определенной степени развития в некоторых областях межгосударственных отношений: греческие города были равноправны, развивалось договорное, дипломатическое и консульское право, существовали понятия состояния войны и нейтралитета [19]. Древние греки уделяли значительное внимание понятию государства, однако в том, что касается суверенитета, существует очень мало следов. Все, что можно найти, это употребление словосочетания «высшая власть», при этом сам термин «суверенитет» – «*κυριαρχία*» не существовал. В «Политике» Аристотеля это понятие встречается неоднократно: *The government is everywhere sovereign in the state, and the constitution is in fact the government. For example, in democracies the people are supreme, but in oligarchies, the few... или the government, which is the supreme authority in states, must be in the hands of one, or of a few, or of the many* [20, с. 54, 56]. Говоря о верховной власти, Аристотель имеет в виду конкретных лиц: народ, олигархию, либо одного человека. То есть в роли носителей власти выступают «многие, немногие или одно лицо», другими словами, конкретные носители власти, а не юридически организованное единство, выступающее как субъект права (в современном понимании – международного права). Называя государство «общением высшим из всех остальных общений» Аристотель имеет в виду не юридическое верховенство и внешнюю независимость, а политическое и нравственное превосходство. То есть верховная власть рассматривается не с точки зрения ее правовой природы, а с эτικο-политической позиции [21, с. 12]. Под таким же углом рассматривали государство и другие греческие мыслители.

Идея об автаркии, то есть самобытности, также не отражала у греков юридической природы верховенства и независимости государства. Лишь Грочий попытается гораздо позднее придать этой философской концепции юридический смысл. У Аристотеля же лишь идеально государство или «совершенный союз» обладает автаркией, то есть «ни в ком и ни в чем не нуждается, заключает в себе самом все, что нужно для его жизни. Государство не заслуживало бы своего имени, если бы оно по природе нужда-

лось в руководстве и подчинении...» [22, с. 61] При этом признается существование и иных, «несовершенных» государств, не обладающих автаркией. Вообще в этом концепте можно рассмотреть зарождение идеи суверенитета, хотя только лишь в экономической и нравственной сфере, что делает его далеко нетождественным более позднему и современному его восприятию.

Итак, можно заключить, практически согласившись со многими исследователями суверенитета, в частности с Н.К. Палиенко, что в Греции идеи о государственном верховенстве и независимости были лишены юридического содержания и не отражали концепт суверенитета в современном понимании. Более точно вывод можно сделать следующим образом: фактически греческие государства были суверенны, однако представлений о том, что это состояние, называемое сегодня суверенитетом, составляет сущностный признак государства, в Древней Греции не существовало.

В Риме правовая атмосфера, если можно так выразиться, отнюдь не благоприятствовала развитию международного права. Достаточно отметить, что восприятие Римом других народов, или государств, основывалось на отношении вышестоящего к нижестоящему. Римское гражданство, которое согласно *Lex Roscia* распространялось на итальянцев, не имело себе равных. Все остальные римские территории считались территорией других народов, связанных с Римом отношениями постоянной зависимости. В этой непростой системе на первом месте были *Cives Romani*, после которых шли *Amici populi Romani*, затем *Socii*, в которых выделялись различные группы: *Latini*, *Foederati*, *Civitates "liberae"*; *Dediticii* и, наконец, некогда независимые государства, такие как Египет, в которых римские императоры провозгласили себя преемниками трона. Разрастание Римской империи практически уничтожило всякую возможность развития международного права. Среди внешних независимых соседей оставались государства, такие как Персия, отношения Рима с которыми можно было условно назвать международно-правовыми. Но малочисленность таких территорий и фрагментарность их связей с Римом не смогли повлиять на развитие международного права в тот период. То же можно сказать и об идее суверенитета: в такой исторической обстановке не было ни места, ни потребности для ее развития. Античным, государствам не приходилось доказывать и отстаивать свою автономию, независимость и верховенство, как это произошло позднее, в

Средние века. При этом идея суверенного государства не была абсолютно чужда римлянам. Достаточно привести цитату из Дигестов, авторство которой приписывается Прокулу, одному из виднейших юристов середины I века н.э. В ней дается, вероятно, самое первое определение суверенного государства: *liber populus externus... is qui nullius alterius populi potestati est subiectus* [23, с. 16], с которого начнется развитие идеи государственного суверенитета в Средние века.

С позиции доктрины, римское наследие в вопросе о понятии суверенитета более существенно, нежели греческое. Оно, в частности, выразилось в наиболее раннем, насколько об этом можно судить, определении суверенного государства. Античный Рим, позднее – Западная Римская империя, прошедшая долгий путь эволюции до своего распада, и затем в различных проявлениях Священная Римская империя, с центром в Германии в период своего высшего расцвета, окажут в итоге огромное влияние на развитие понятия и доктрины государственного суверенитета.

Список литературы

1. Jellinek G. *Recht des modernen Staates: Allgemeine Staatslehre*. Berlin, 1900, 726 p.
2. Марченко М.Н. Государственный суверенитет: Проблемы определения понятия и содержания / М.Н. Марченко // *Правоведение*. 2003. № 1. С. 186–197.
3. Jellinek G. *Recht des modernen Staates: Allgemeine Staatslehre*. Berlin, 1900, 726 p.
4. *Glossarium Mediae et Infimae Latinitatis*: L. Favre, 1886.
5. Meyer-Lubke (W.) *Romanisches Etymologisches Wörterbuch*. 3rd ed. Heidelberg, 1935.
6. *Cartulare de l'Abbaye de Saint Victor de Marseille*. Ed. Guérard. *Documents Inédits*. Vol. I. P. 292.
7. "Unus vero eorum qui *superarti*" dicuntur, vehementer ei cepit obsistere.... Ille etiam *superanus*... "interfectus est". См. также *Glossarium Mediae et Infimae Latinitatis*: L. Favre, 1886, p. 640, 655 и Pasquier E. *Recherches sur la France (Amsterdam 1723)*, Book VIII, Ch. 19, tit. 1, col. 795: "Voilà comme d'un mot de souverain qui s'employait communément à tous ceux qui tenaient les premières "dignités de la France, mais non absolument, nous l'avons avec le temps "accommodé au premier de tous les premiers, je veux dire au roi" (Так слово «суверен», которым во Франции назывались те, кто имел самые высшие титулы, но не все возможные, со временем стало применяться лишь к первому из первых, то есть к королю». Перевод автора).
8. *Book of Common Prayer* – краткое название нескольких взаимосвязанных теологических документов церковью Англиканского сообщества.
9. Calasso F. *I Glossatori e la Teoria della Sovranità*. Milan, 1951. P. 46, note 11.
10. *Coutumes de Beauvoisis*, ed. Salmon, XXXIV, 41.
11. Историческая провинция Французского королевства.
12. *Early English Texts-series*, 1887. Vol. I. P. 74.
13. <http://www.greatdante.net>
14. *Международное право: учебник* / Под ред. Г.И. Тункина. М.: Юрид. лит., 1994. 512 с.
15. Маритен Ж. *Человек и государство*. Пер. с англ. Т. Лифинцевой. М.: Идея-Пресс, 2000. 196 с.
16. Палиенко Н.К. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль: Типография губернского правления, 1903. 567 с.
17. Sarkar B.K., *Hindu Theory of International Relations* // *American Political Science Review*. 1919. XIII. P. 400–414.
18. В частности, И.И. Лукашук отмечает, что невозможно говорить о существовании международного права в данный период истории, поскольку даже «в позитивном праве Древнего Рима, равно как и в трудах его высококвалифицированных юристов нельзя обнаружить и следа самой идеи международного права. Утверждения относительно того, что международное право существовало в древнем мире, являются результатом перенесения современных представлений в совершенно иные условия. Судят по форме, игнорируя суть явления» (Лукашук И.И. *Международное право*. Общая часть: Учеб. для студентов юрид. фак. и вузов. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2008. 416 с.)
19. Martin V. *La vie internationale dans la Grèce des Cités (VIe-IVe s. av. J.-C.)*. Paris: Sirey, 1940. 633 p.; *Международное право: учебник* / Под ред. Г.И. Тункина. М.: Юрид. лит., 1994. 512 с.
20. *Politics by Aristotle written 350 B.C.E.* Translated by Benjamin Jowett. Indo-European Publishing, 2009. 188 p.
21. Палиенко Н.К. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль: Типография губернского правления, 1903. 567 с.
22. *Politics by Aristotle written 350 B.C.E.* Translated by Benjamin Jowett. Indo-European Publishing, 2009. 188 p.
23. Kleffenns van E.N. *Sovereignty in international law*. *Recueil des cours de l'Académie du droit international de la Haye*. 1953. P. 16.

STATE SOVEREIGNTY: ETYMOLOGY AND PREHISTORY OF THE CONCEPT

A.S. Leonov

The article analyzes the etymology and origin of the concept of state sovereignty by dealing with primary sources which make reference to the term. Special attention is paid to the development of the concept of state sovereignty from an ethical and political category to a legal one. The research covers the period from Ancient Greece and Rome until the beginning of the early Middle Ages with a particular focus on the impact of antique perceptions of sovereignty on further evolution of the concept.

Keywords: sovereignty, “superanus”, supremacy and autonomy of power, autarchy, state power, Ancient Greece, Ancient Rome.